

Материалы к биографиям ученых и инженеров

К ИЗБРАНИЮ М. В. ЛОМОНОСОВА В ЧЛЕНЫ БОЛОНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Н. А. ФИГУРОВСКИЙ

В апреле 1764 г. М. В. Ломоносов был избран членом Болонской академии наук. Основные события в переписке, связанные с этим избранием, отражены в ряде опубликованных документов [1, 2], и лишь отдельные детали остаются неясными.

Недавно мы получили из Италии от профессора русской литературы Болонского университета Пьера Каццола некоторые материалы из университетского архива, дополняющие сведения об избрании Ломоносова в Болонскую академию.

Напомним некоторые события, предшествующие этому избранию. С начала 60-х годов М. В. Ломоносов, обремененный различными обязанностями по управлению несколькими академическими учреждениями, часто болел и иногда неделями не мог заниматься делами. Видимо, этим обстоятельством широко воспользовались его старые недруги во главе с И. Д. Шумахером. Они интриговали против М. В. Ломоносова, пытаясь отстранить его от руководства академическими учреждениями и вместе с тем дискредитировать его как ученого. Естественно, М. В. Ломоносов давал отпор интригам и нападкам. При этом он иногда прибегал к помощи и содействию высокопоставленных покровителей наук, в частности графа М. И. Воронцова [2, с. 564—565].

Зная, что граф М. И. Воронцов близко связан с Болонской Академией наук, которая высоко его ценила «за приращение преизрядными книгами и другими вещами» [3, с. 854], М. В. Ломоносов обратился к нему с письмом (от 19 января 1764 г.), в котором, в частности, напомнил об обещании содействовать его избранию в члены Болонской академии наук [2, с. 569—570]. В то время М. И. Воронцов был за границей, на пути в Италию, и М. В. Ломоносов одновременно с письмом переслал ему несколько своих сочинений «для вручения... ученому обществу», т. е. Болонской академии. Какие именно сочинения были пересланы М. В. Ломоносовым М. И. Воронцову, до сих пор оставалось неизвестным [2, с. 872].

Кроме того, М. В. Ломоносов переслал М. И. Воронцову «Свидетельства о науках советника Ломоносова», т. е. выписки из отзывов и рекомендаций, данных ему в разное время Хр. Вольфом, Л. Эйлером, К. Л. Формеем, Ш. М. Кондамином, секретарем Шведской академии наук П. Варгентином и др. [2, с. 570—580]. Видимо, эти документы необходимы были для представления М. В. Ломоносова в Болонской Академии наук.

Дальнейшие события развернулись следующим образом: Собрание членов Болонской академии наук 13 апреля 1764 г. (2 апреля по старому стилю) отнеслось вполне благожелательно к представлению М. И. Воронцовым кандидатуры М. В. Ломоносова, и он был единогласно избран членом Академии наук. В тот же день секретарь Болонской академии наук Франческо-Мария Цанотти отправил М. В. Ломоносову извещение («объявление») об его избрании в члены Академии¹. Подлинник этого письма, видимо, не сохранился. Русский перевод его впервые был опубликован в «Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах» (1764 г., май) [1, с. 633—634] и в дальнейшем перепечатывался в других изданиях.

В извещении Цанотти прямо говорится, что кандидатура Ломоносова была предложена М. И. Воронцовым.

¹ По сведениям, опубликованным в 11, дополнительном томе. Полн. собр. Соч. М. В. Ломоносова избрание произошло несколькими днями раньше. (М.—Л.: Наука, 1983, с. 16—18).— *Ред.*

В ответ на это извещение М. В. Ломоносов отправил 9 мая (видимо, по старому стилю) благодарственное письмо Цанотти, опубликованное по собственноручному черновику М. В. Ломоносова [2, с. 875], хранящемуся в Архиве Академии наук СССР. Тогда же М. В. Ломоносов направил и благодарственное письмо М. И. Воронцову [2, с. 582]. Этими документами, видимо, и закончилась переписка по поводу избрания.

Упомянутый выше профессор Пьеро Каццола опубликовал письмо М. В. Ломоносова к Ф. Цанотти [4, с. 87, 88]. Сравнение текстов черновика М. В. Ломоносова и опубликованного его письма обнаруживает некоторые расхождения в словах и выражениях. Эти разночтения не имеют принципиального характера, но мы считаем целесообразным привести здесь письмо М. В. Ломоносова по публикации Пьеро Каццола:

«Viro celeberrimo, perillustri, doctissimo Francisco Mariae Zannotto, inclytae Academiae Scientiarum instituti Bononiensis a secretis dignissimo, Singularibus in orbe Litterario meritis Spectatissimo — Michael Lomonosow, Sacrae Imperatoriae Majestatis omnium Rossiarum Consiliarius Status, in Academia Petropolitana Professor Chymiae P. O. S. P. D.

Acceptis humanitatis plenis Litteris Tuis, Vir perillustis, quibus me in vestram inclytam Academiam Scientiarum instituti Bononiensis communi omnium Academicorum consensu cooptatum esse iudicare benevolentissime voluisti, gaudeo vehementer, gratiasque quam maximas pro tanto beneficio Tibi, Vir celeberrime, atque integro illustrissimo cetui ago, et quantum in me situm est, referre curabo. Etenim nil gratius contingere posse homini litterarum studiis dedito existimo, quam esse probarum Viris, quorum ingentia atque spectatissima in Scientiis merita per orbem litterarium et ubique gentium percrebuerunt. Idcirco maxime enitendum mihi esse apud me statui, ut iis encomiis quorum equidem haud me dignor honore quantulumcunque in posterum respondere, et Academiae Vestrae, quam nunc etiam meam nuncupare jam auspiciis Vestris audeo, lucubrationibus meis satisfacere possim. Numerum eorum constituent observationes et inde deducta ratiocinia circa mutationes penduli centoscopici, descripti in meditationibus meis de via navis certius determinanda § 77. Item variationes altitudinum barometri sigillati, ibidem propositi § 79 quae omnia initium sumpserunt Ao 1759, et hunc usque in diem continuantur, quantum quidem reliqua munera et valetudo mihi concedunt; denique observationes electricae spectatum sese praebentibus auroris, ut vocant, borealibus, quarum verum influxum in erectas supra tectum sagittas, electricitatis capaces, manifesto deprehendere mihi licuit, cum elapsa proxime hyeme et hoc prima vere ejusmodi spectacula hic loci preter morem frequentia et luculentia contigerint. Omnia hoc jam sub malo sunt; et quam primum lucem publicam aspexerint, ad illustrissimam Academiam Bononiensem properabunt, iudicio illius gratissimo sese submissura. Vale, vir celeberrime mihi que, ut benevolentissime cepisti, favere atque collegis doctissimis ac prestantissimis officia et obsequia mea, gratumque animum ulterius commendare non desiste. Datum Petropoli, die 9 Maji, St. V. Ao 1764.» [4].

Опубликованный русский перевод этого письма [1, с. 634] сам по себе нуждается в улучшении. Кроме того, разночтения с черновиком, имеющиеся в публикуемом письме (всего до 20), требуют соответствующих изменений в русском переводе. Поэтому мы сделали новый перевод этого письма.

«Мужу знаменитому, прославленному, учейшему, Франциско Марии Цанотти, достойнейшему секретарю Института славной Болонской Академии наук, известному во всем мире особыми научными заслугами, Михаил Ломоносов, статский советник ее императорского величества всея России, профессор химии Петбургской Академии наук шлет нижайший привет.

Получив полное благосклонности Твое письмо, славный муж, которым соблаговолил ты любезно известить о моем избрании собранием всех академиков Института славной Болонской Академии наук, радуюсь и изъявляю Тебе, муж знаменитейший, глубокую благодарность за великое благодеяние, а также и всему сиятельному собранию и постараюсь, насколько в моих силах, отплатить за это. Ибо человеку, преданному науке, нет ничего приятнее, как одобрение мужей, чьи великие и славные заслуги в науках известны ученому сословию и всему миру. Посему я решил, что должен приложить все силы, чтобы в какой-то степени соответствовать тем похвалам, коих я недостоин и представить вашей Академии, которую ныне дерзаю почитать и своею, плоды моих трудов. В их числе имеются наблюдения и сделанные на их основе вычисления относительно колебаний центроскопического маятника, описанные в моем рассуждении о большей

точности морского пути §77; сверх того, изменение показаний особого барометра, о чем изложено в § 79. Все это выполнено мною в 1759 г. и исследования продолжаются и до сего дня, поскольку это позволяют мне другие обязанности и здоровье. Наконец — наблюдения видимых электрических явлений, сопутствующих утренней заре и называемых северным сиянием, истинное происхождение которых мне удалось объяснить наблюдениями за истечением электричества со стрелчатых стержней, установленных на крышах домов. Это красивое зрелище мне приходилось часто наблюдать. Все это я охотно вышлю светлейшей Болонской Академии наук на ее просвещенный суд, как только это будет напечатано. Прощай, муж знаменитейший, не лиши меня и далее твоей благосклонности, не откажи изъявить ученым и знаменитейшим коллегам свое уважение, готовность к услугам и признательность.

Петербург, 9 мая ст. ст. 1764 г.»

Упомянутые в письме §§ 77 и 79 относятся к диссертации М. В. Ломоносова «Размышления о точности определения пути корабля в море читанные в публичном собрании Петербургской императорской Академии наук в мае 1759 г. советником Академии Михаилом Ломоносовым» (Полн. собр. соч. Т. IV. М.—Л., 1955, с. 285—287).

Полученные от проф. П. Каццолы материалы дают, наконец, ответ на вопрос: какие же сочинения были посланы М. В. Ломоносовым (через графа М. И. Воронцова) в Болонскую Академию наук? П. Каццола приводит фотокопию собственноручно составленного М. В. Ломоносовым перечня девяти сочинений, посланный в Болонью [5, с. 91]:

Illustrissimae Academiae
Scientiarum Bononiensi

* * *

Auctor

Hoc volumine continentur

1. Panegyricus Elisabethae augustae dictus.
2. Oratio de utilitate chymiae
3. «—»—» de meteoris vi electrica ortis
4. Panegyricus Petro Magno dictus
5. Oratio de origine lucis et colorum
6. «—»—» de generatione metallorum
7. Meditationes de via navis in mari certius determinanda
8. «—»—»—» de solido et fluido
9. Observationes transitus Veneris per Solem.

Заглавия сочинений в этом списке даны в сокращенном виде. Все 9 сочинений опубликованы на русском и латинском, французском, немецком.

Не касаясь здесь истории опубликования всех этих сочинений, отметим их тематическое разнообразие (речи, естественно-научные произведения). Несколько удивляет то обстоятельство, что М. В. Ломоносов не послал в Болонскую академию своих основных диссертаций, например «Размышление о причине тепла и холода» и др. Впрочем, это можно объяснить тем, что в библиотеке Болонской академии (в настоящее время — в университетской библиотеке) имелись тома «Комментарий Петербургской Академии наук», и «Новых Комментарий Петербургской Академии наук», в которых были опубликованы основные диссертации М. В. Ломоносова. Это отмечено также и П. Каццолой [5, с. 100]. Возможно, что они были подарены М. И. Воронцовым.

Таким образом, члены Болонской Академии наук имели возможность составить себе достаточно полное представление о научных исследованиях и заслугах М. В. Ломоносова на основе широкого круга его сочинений. Этим, вероятно, и объясняется то, что М. В. Ломоносов был избран единогласно.

Литература

1. Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. Спб., 1865.
2. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. X. М.—Л., 1957.
3. Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. Т. II, Спб., 1873.
4. Piero Cazzola. Viaggiatori russi in Emilia e Romagna dal XV al XIX secolo.— Carrobbio, 1979, Anno V.
5. Piero Cazzola. Testi russi della libreria Mezzofanti, alla Biblioteca Universitaria.— Carrobbio, 1980, Anno VI.

МУЗЕИ И ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**[На примере Государственного
Исторического музея]**

К. Г. ЛЕВЫКИН, И. В. ЛЕВОЧКИН

В историко-научных работах наряду с архивными должны использоваться и музейные материалы. Научные приборы, инструменты, различные механизмы, а также их графические изображения (рисунки, чертежи, гравюры, фотографии) и рукописи, в которых содержатся сведения естественнонаучного и технического характера, — все эти музейные материалы — важные источники для историко-научных исследований. В музеях сосредоточена «материальная сторона» источниковедения истории естествознания и техники и значительная часть источников по этой проблематике в виде изобразительных и письменных памятников.

Мы хотим на примере собраний Государственного Исторического музея (ГИМ) показать роль и значение этих материалов в исследованиях по истории естествознания и техники.

Основанный в 1872 г. и открытый для посетителей в 1883 г., Государственный Исторический музей хранит в настоящее время свыше 4 млн. различных памятников материальной и духовной культуры и истории многих народов нашей страны с древнейших времен до наших дней. Немалую долю среди этих богатств занимают материалы, которые можно отнести к числу источников по истории науки и техники.

ГИМ не преследует цели систематического комплектования своих фондов материалами по истории естествознания и техники. Это задача специальных музеев. Однако наш музей постоянно собирает, к примеру, орудия труда разных эпох, без которых невозможно полное отражение истории развития производительных сил. Фонды ГИМа пополняются и другими материалами, которые можно с успехом использовать в качестве источников по истории естествознания и техники. Вещественные, изобразительные и письменные источники по этой проблематике имеются во всех хранительских отделах музея, но наибольшее их количество сосредоточено в отделах археологических памятников, дерева, металлов, изобразительных материалов, картографии, а также в отделе рукописей и старопечатных книг.

Кратко охарактеризуем основные группы источников по истории науки и техники, хранящихся в ГИМе.

В отделе археологических памятников хранятся многочисленные материалы раскопок, значительную часть которых составляют предметы, прямо или косвенно относящиеся к истории естествознания и техники. Археологические памятники нашего музея охватывают период с древнейших времен до XV в. включительно. Среди них и предметы, характеризующие зарождение и развитие земледелия, металлургии, металлообработки, стеклоделия, обработки камня, дерева и кости, орудия труда и образцы изделий, остатки производственных сооружений и сырья. Частично эти материалы использовал в своем труде «Ремесло Древней Руси» акад. Б. А. Рыбаков [1], однако в целом как памятники естествознания и техники они остаются еще мало изученными. Дальнейшее изучение этих материалов историками естествознания и техники актуально и перспективно.

В отделе дерева хранятся самые различные памятники: предметы быта и прикладного искусства, орудия труда, образцы транспортных средств и др. Как общедоступный материал, дерево широко использовалось для изготовления самых разнообразных предметов. Особенно большое значение изделия из него имели в жизни крестьянства.